

Игорь Шестков "Кокосовые шарики"

КОКОСОВЫЕ ШАРИКИ

Есть в немецких провинциальных городах женщины-энтузиастки, которые посещают, часто с измученным бессонницей маленьким ребенком, любимцем публики, оперные премьеры, концерты, вернисажи, чтения... дамы эти охотно дарят цветы певцам, художникам, писателям... они всех знают и их все знают... они вхожи в лучшие дома, несмотря на то, что сами часто живут на пособие... разносят и сплетни, но делают это удивительно деликатно, так что невозможно и подумать про них что-то плохое... одеваются не по средствам и с фантазией, хотя и не без некоторого излишества в кашне, шелковых рюшах и позолоченных финтифлюшках.

Уверен, что вы таких дам видели и не раз. С одной из них, Шарлоттой Р. я близко познакомился в незабвенном саксонском городе К.. Это была огромная женщина лет двадцати восьми. Ее маленькая красивая голова была коротко подстрижена. Волосы она красила попеременно в желтый и зеленый тона. Длинный ее нос компенсировали подведенные черной тушью «египетские глаза». Чувственные полные губы обещали изощренные ласки дерзкому соискателю, необъятных размеров грудь заставляла вспомнить волны Тихого океана.

Не хочу описывать историю наших отношений — она коротка и банальна. Какое-то время я, тогда еще художник, был в городе К. в моде, что ли... особенно после нескольких прошедших с большим успехом, если вообще можно говорить в таких случаях об успехе, выставках. Желтая городская газета поместила на второй странице большую статью с ужасно нерезкой фотографией моей картины под названием: «Мистические конструкторы эмигранта», а Культурный Вестник опубликовал нестерпимо эвфуистическую рецензию местного искусствоведа, которая начиналась так: Он пришел к нам с востока, этот таинственный чародей графики....

Видимо этого «чародея» хватило для того, чтобы Шарлотта пригласила меня на «парти с миндальными зверюшками», в конце которого томно посмотрела на

меня египетскими глазами, поколебала для верности пудовыми персями и прошептала: Я надеюсь, вы останетесь, по ночам я так одинока... в этом старом доме так холодно.

Остался. Согрел ее. Два долгих раза.

Хотел было заснуть... но Шарлотта решила одарить меня историей. Сам виноват. Не надо было спрашивать ее о пятне.

У нее на руке, как раз посередине между ладонью и тем местом, из которого у нас сосут кровь медсестры, располагалось крупное, с памятную медаль, круглое пятно. Или шрам. Выглядело оно так, как будто кто-то пересадил с другого места на теле кожу внутрь пятна, чтобы не было видно, что там вытатуировано или процарапано. Кошмарное пятно. Я спросил Шарлотту о пятне, когда она подошла ко мне с подносом, на котором валялись вышеупомянутые зверюшки и тонко позвякивали узкие бокалы с белым вином. Она глубокомысленно улыбнулась и прижала длинный палец к густо напомуженным коричневым губам.

А сейчас, в три часа ночи, вместо того, чтобы раскинуться на своей колоссальной кровати, на которой легко уместилось бы шестеро здоровенных матросов, и заснуть после праведных любовных трудов, решила рассказать мне душеспитательную и жуткую историю происхождения этого пятна. Каюсь, я несколько раз засыпал во время ее повествования, поэтому, господа, прошу вас, не сетуйте на лакуны в изложении.

...

Это все случилось три года назад... Вы в городе, человек новый, а я тут и родилась, и выросла, и мама и папа и оба деда у меня люди известные... я всегда была на виду... обо мне не раз писали в газетах... ну вот... и наблюдали за мной не только хорошие люди, актеры, художники, музыканты, но и неофашисты, которых тут у нас после объединения Германии развелось, как крыс на городской свалке... Вы не поверите, сколько их там, я ездила, меня дирекция свалки приглашала на прием, я кукольное представление организовывала для детей сотрудников. Нам дружно аплодировали, а потом собрали деньги на мой сборник. Я пишу, знаете ли... хайку... только не из слов, а из одних слогов. Почему неонацисты обратили на меня внимание? Потому что я активно

помогала в организации «Дней еврейской культуры». Я и мелкие поручения исполняла, и артистов приезжих кормила и дома оставляла ночевать, у меня останавливались и писательница Саломея Генин из Берлина и клезмер-трио Игнатия Бердичевского и многие другие. Сами нацисты на «Дни еврейской культуры» не ходят, поэтому они меня там, например, когда я цветы дарила артистам, заметить не могли. Кто-то им донес и адрес мой дал. Всегда найдутся доброжелатели. А потом состоялся у нас перед ратушей большой антифашистский митинг. Я там выступала. Призывала неонацистов нашу историю вспомнить. Стыдила их. И они решили отомстить. А предводительствовал всем некто Пауль Н.. Он дружил со мной в гимназии, а потом мы разошлись и Пауль в нацики подался. Поваром работает в забегаловке на Касберге — «У черной вороны». Там на витрине надпись — «Настоящая немецкая кухня». Сосиски с капустой подают и пиво. Красивый раньше был, платиновый блондин, а сейчас растолстел, голову бреет наголо и штиблеты носит до колен с красными шнурками. Это у них означает — готов на убийство. Ну так вот, Пауль мне прислал письмо... а я тогда любила одного еврея... Ури. Он ко мне из Кёльна приезжал каждую пятницу. А рано утром в понедельник — назад, прямо на работу, в бюро. Он не очень верующий, но всегда носил кипу. Любил меня очень. Подарил мне серебряный Могендовид в кружочке на цепочке. Наверно Паулю и о Ури рассказали... потому что он в письме угрожал убить «моего еврея», а меня искалечить... потому что я — «жидовская подстилка» и «порчу германскую кровь с паршивой собакой».

...

Трое нацистов ворвались ко мне в квартиру. Я начала орать, но Пауль дал мне пощёчину и всунул в рот какую-то гадкую тряпку. И клейкой лентой заклеил рот. А у меня как назло насморк был, трудно было дышать через нос. Я закашлялась, из глаз слезы потекли. Пауль ленту одним рывком от меня оторвал, вынул тряпку, дал мне платок, позволил высморкаться. Потом опять тряпку в рот... и ленту приклеил и еще глаза завязал. Хорошо, Ури в ту субботу не было у меня, они бы его убили. Ну вот... и эти три мерзавца решили устроить надо мной «суд». Я их не видела, слышала только их скабрзные шутки, отвратительный хохот, чувствовала, как они меня лапают.

«Суд» длился наверное час. В конце Пауль прочитал мне приговор, но я ничего не поняла, потому что они влили мне стакан шнапса через трубочку в нос. Затем они меня раздели. И я почувствовала...

...

Не знаю, сколько раз. Помню только, что они во время... били меня по щекам. А потом связали веревкой, а сами ушли на кухню и долго что-то там делали. Орали там как павианы и ржали. Затем пришли и Пауль сказал: А теперь, Шарлотта, потерпи, сейчас мы твою жидовскую звездочку тебе на шкурке выжжем.

И тут же схватили они мою правую руку и прижгли чем-то. Мне показалось, что раскаленным железом. Я от боли сознание потеряла. А когда в себя пришла, жутко рука зудела. Нацисты ушли. Смогла себя освободить... кляп выплюнула и повязку с глаз сняла. Посмотрела на руку — багровое пятно страшное. Ожог. Они раскалили мою Звезду Давида и прижгли меня ей, заклеямили. Вызвала такси и в больницу поехала. Там мне рану обработали и обследование сделали. Эти подонки меня...

...

Через три недели врачи пересадили мне на руку кожу, а еще через неделю мне сделали аборт. Не хотела я ребенка от нациста-насильника. На суде Пауль кричал мне в лицо: Надо было тебе, суке, глаза выколоть... выйду из тюрьмы, поквитаемся.

Всех троих осудили. Дали от пяти до восьми. Вы не знаете, у нас тут суды к нацистам добрые. Один уже вышел — из-за примерного поведения. Видела его на Рождественском базаре... Глазами сверкнул и голову опустил. Пауль задушил кого-то в тюрьме и получил пожизненное. А третий будет сидеть еще несколько лет. Я боюсь, что...

...

Дальше я уже ничего не слышал, заснул мертво и проснулся на следующий день часов в одиннадцать. В кухне нашел кофе в термосе и два бутерброда с вареными яйцами, огурцом и салями. Рядом с термосом лежала записка: Милый, я сегодня с утра в Доме Актера. Приходи, если хочешь, мы репетируем «Кукольный дом». Звони! Твоя Шарлотта.

Мы разошлись через неделю, даже без прощальной ссоры.

Через несколько лет я познакомился с одним поклонником моей графики — хирургом местной больницы, человеком занятым, волевым и циничным. Он пригласил меня в только что открывшийся в центре города индийский ресторан, полакомиться острыми жареными цыплятами с лепешками. За едой мы мило посплетничали. Заговорили и о Шарлотте. Выяснилось, что хирург тоже знаком с Шарлоттой. Примерно так же, как и я.

— Историей про изнасилование и клеймение серебряной звездой вас, наверное, тоже попотчевали, — предположил хирург, повертев в руке неправдоподобно алую куриную ногу.

— Да, и во всех подробностях, только я половину рассказа проспал.

— Немного потеряли. Все это — чистейшая выдумка. Никто ее не насиловал и Звездой Давида не жёг. А пятно — случайная родовая травма. Кстати, попробуйте эти кокосовые шарики с курагой — во рту тают!